

Civil war of 49-44 BC. At the first stage of Clodius' career as a politician, his popularity among plebs environment allowed him to claim for some independence when carrying out his political actions. After his break with Pompejus and Caesar, Clodius started playing a role of an self-dependent leader; his political positions allowed him to be independent both from the senatorial oligarchy and triumvirs. Clodius' activity revived a coalition of optimats, so the confrontation arose and deferred the civil war.

© 2007 г.

Н.С. Широкова

ЭКСПЕДИЦИИ ЦЕЗАРЯ В БРИТАНИЮ

Первое появление римлян в Британии произошло во время военных экспедиций Цезаря, предпринятых им в 55 и 54 гг. до н.э. Естественно, что исследователи римской Британии, обрисовав географическое положение острова, череду археологических культур, сменявших друг друга на территории страны в период бронзового и железного веков и череду кельтских миграций на остров в это время, обращаются к походам Цезаря, скрупулезно, шаг за шагом, следя за его действиями в Британии.¹ Особенно тщательно это делает Т.Р.Холмс, добрая половина основательной монографии которого посвящена походам Цезаря в Британию.²

Хотя первая экспедиция Цезаря датируется 55 г. до н.э., по мнению исследователей, он планировал высадиться в Британии за год до этого, еще в 56 г., но так как его планы в этом отношении не смогли осуществиться, то он их и не афишировал.³ И Ш.Фрер, и Т.Р.Холмс полагают, что подавление Цезарем в 56 г. восстания венетов, живших на территории Бретани, было «необходимой прелюдией» для вторжения на Британские острова, так как Цезарь мог безопасно посадить свое войско на корабли для переправы в Британию только в том случае, если бы он господствовал над Ла-Маншем.⁴ Однако Ла-Манш в это время был в руках венетов, обладавших мощным флотом, состоявшим из больших кораблей, построенных, как полагают, по образцу судов карфагенского торгового флота, так как венеты унаследовали коммерческие дороги и связи карфагенских купцов в Атлантике и в водах Британских морей. Благодаря своему флоту, венеты закрыли порты не только их собственной территории в Западной Бретани, но и всего западного побережья Северной Галлии, разрешая пользоваться этими портами только тем, кто платил им дань. По мнению Ш.Фрера,⁵ одним из мотивов восстания венетов было опасение, что вторжение Цезаря на Британские острова прервет их торговлю с Британией. Таким образом, в 56 г. мысль о походе на Британские острова как бы носилась в воздухе, хотя Цезарь и не упоминал об этом в своих комментариях. В конце 56 г. Цезарь поспешил покорить племена моринов и менапиев, которые контролировали побережья Ла-Манша в районе Па-де-Кале. Именно из области моринов, по утверждению Цезаря (Caes. B.G., IY, 21), можно было кратчайшим путем переправиться в Британию.

В 55 г. после отражения широкомасштабного вторжения на территорию Галлии из-за Рейна двух германских племен узипетов и тенктеров Цезарь мог наконец обратиться к британским делам. По словам Страбона (Strabo, IV–V, 2), в качестве пункта отправления им был выбран порт Итий в области моринов (совр. Булонь). Очень кстати в лагерь Цезаря явились послы от значительной части племен моринов с извинениями за то, что в прошлом году они вели войну против римского народа (Caes. B.G., IY, 22). Цезарь принял их извинения и приказал им выдать большое число заложников, которые были приведены в его лагерь. Теперь он мог быть спокоен за свой тыл. Однако все-таки Цезарь приказал легатам Кв. Титурию Сабину и Л.Аурункулею Котте отвести часть войска в область менапиев и в те округа моринов, которые не прислали к нему послов, а легату

П.Сульпицию Руфу — занять гавань, разместив в ней достаточно большой отряд (Caes. B.G., IV, 22).

Подготовка к походу была основательной. Еще во время войны с венетами по приказу Цезаря был построен хорошо оснащенный флот: он «приказал строить военные корабли... организовать комплект гребцов и набирать матросов и кормчих» (Caes. B.G., III, 9). К началу первой экспедиции в Британию Цезарем были собраны 80 кораблей, на которых должны были быть переправлены два легиона пехоты, 18 большегрузных судов для перевозки конницы и военные корабли, которые Цезарь распределил между квестором, легатами и префектами (Caes. B.G., IV, 22).

Цезарь отплыл в Британию 25 или 26 августа 55 г. до н.э.⁶ На следующий день в девять часов утра⁷ первые корабли его флота вошли в гавань Дувра. Там он увидел огромные скалы, которые были усеяны множеством вооруженных британцев. «Естественные особенности этого пункта, — отметил Цезарь, — таковы, что горы очень близко подходят к морю и суживают его; таким образом, с этих высот возможен обстрел всего берега» (Caes. B.G., IV, 23). Осознав невозможность высадиться в этом месте, Цезарь около трех часов простоял на якоре, ожидая, пока подойдут медленнее двигавшиеся грузовые транспорты и используя это время, чтобы проинструктировать своих офицеров относительно предстоящих военных действий.

Когда прибыла оставшаяся часть флота, Цезарь двинулся на север, и высадка была произведена в той части побережья, где берег был «открытым и плоским» (Caes. B.G., IV, 23). Однако британцы следовали за римским флотом вдоль берега и были во-время на месте, чтобы помешать римским войскам высадиться на сушу. Из-за полого спускавшегося к воде пляжа римские войска были вынуждены прыгать в глубокую воду, поскольку большие римские корабли могли держаться на якоре только в глубоких местах, и тяжело вооруженные легионеры оказались в невыгодном положении по сравнению с местными жителями, которые стояли на берегу, или, если заходили в воду, то только на небольшую глубину. И, как говорит Цезарь, «при отличном знакомстве с местностью и полной свободой движения храбро стреляли в наших и налетали на своих хорошо обученных конях» (Caes. B.G., IV, 24).

Однако Цезарь умело использовал более легкие, чем грузовые, военные корабли, оснащенные метательными машинами, в состав экипажей которых входили пращники и лучники, так что римляне с этих кораблей осыпали врагов камнями из пращей, стрелами, метательными снарядами. Цезарь приказал также посадить солдат на шлюпки военных кораблей и посылал эти подкрепления туда, где складывалась особенно опасная ситуация. К тому же орлоносец Десятого легиона храбро прыгнул с корабля в воду и пошел с орлом на врагов. «Солдаты, — говорит Цезарь, — также последовали этому примеру и двинулись на врага» (Caes. B.G., IV, 25). В конце концов римляне захватили прочную точку опоры на прибрежном пляже и, перейдя в атаку, обратили британцев в бегство.

Однако римляне начали ощущать нехватку кавалерии, поскольку восемнадцать большегрузных судов, на которые была посажена конница, задержанные встречным ветром в восьми милях от порта Итиса — главного сборного пункта римлян для переправы в Британию, пропустили прилив и на следующий день были отнесены обратно к континенту неблагоприятными ветрами. Только четыре дня спустя показались приближавшиеся к британскому побережью транспорты с конницей. Но прежде, чем они смогли пристать к британскому берегу, внезапно разразившийся шторм разметал их в разные стороны, и они с большими трудностями возвратились на континент. Шторм совпал с полнолунием и чрезвычайно высоким приливом. Военные корабли римлян, на которых они отправились в Британию, вытасканные на берег, заливало волнами. Транспортные суда, стоявшие на якоре, не выдерживали натиска шторма и, или разбивались, или, лишившись оснастки, становились непригодными для использования. Таким образом, римляне потеряли значительную часть судов, на которых можно было вернуться обратно. Британцы, вожди которых после окончившегося неудачей сражения и бегства со всех сторон схо-

дились в лагерь Цезаря и отдавались под его покровительство, увидев затруднительное положение римлян, тотчас отложились и начали готовиться к новой войне.

Как всегда, в трудные моменты Цезарь действовал быстро и эффективно. Были организованы отряды, которые собирали урожай и свозили собранное с полей в римский лагерь. Остальные солдаты, работая весьма энергично, починили большую часть поврежденным штормом кораблей. В это время Седьмой легион, чья очередь была собирать урожай, попал в засаду, устроенную войском британцев, состоявшим в основном из боевых колесниц и конницы. Часовые, несшие караульную службу в римском лагере, заметили необычно большое облако пыли, поднявшееся в том направлении, в котором выступил легион. Заподозрив неладное, Цезарь двинулся на выручку и отогнал врагов, но опять сказались отсутствие конницы: невозможно было довести до конца преследование разбитого врага. Тем не менее от британских вождей явились послы с предложением выдачи заложников, которые были взяты Цезарем и отправлены на материк. Сам он в ту же ночь, посадив все свое войско на корабли, вернулся в Галлию.

Таким образом, первая экспедиция Цезаря в Британию не дала слишком больших результатов. Нехватка кавалерии и большой ущерб, нанесенный его флоту штормом на море, явились причиной того, что Цезарь был прикован к побережью в районе Кента и не смог продвинуться вглубь страны, и если бы вожди британцев руководили военными действиями с большей решительностью, то Цезарь мог бы оказаться в очень опасном положении. В то же время определенный успех был налицо. Римлянам казался привлекательным тот факт, что впервые был пересечен океанский пролив и варвары Британии сдавались на милость победителя. В связи с этим римский сенат определил Цезарю беспрецедентное, длившееся двадцать дней, благодарственное молебствие (*supplicatio*) (Caes. B.G., IV, 38). Сам Цезарь во время первой экспедиции успел изучить характер британского сопротивления, впервые увидел боевые колесницы в сражении и понял, как можно справиться с ними. Кроме того, он выяснил, что вторгнувшаяся в Британию армия может захватить там достаточное для ее нужд количество хлеба, и нашел наиболее благоприятное место высадки на берег для экспедиции следующего года.

В 54 г. приготовления к экспедиции в Британию носили гораздо более масштабный характер, чем в предыдущем. В течение зимы были построены шестьсот транспортных судов особой конструкции и двадцать восемь военных кораблей. Включая суда, оставшиеся от экспедиции прошлого года, и некоторое количество каперов, флот, на котором Цезарь собирался переправиться в Британию в 54 г., насчитывал более восьмисот кораблей. Новые транспорты были ниже, чем обычные суда, чтобы их было легче загружать и легче вытаскивать на берег, а также шире нормы, чтобы могли нести больше груза; к тому же, снабжены веслами и парусами. Цезарь собрал в Булони большую армию: пять из его восьми легионов и две тысячи всадников должны были отправиться в Британию, Лабиен же с тремя легионами и двумя тысячами всадников был оставлен в Галлии, чтобы обеспечивать спокойствие страны.

Экспедиция отправилась после захода солнца шестого июля, и на следующее утро римляне увидели Британию слева. Дело в том, что в полночь ветер упал, и флот был отнесен течением далеко в сторону. Затем течение повернуло обратно, Цезарь приказал спустить весла на воду и усиленно грести, чтобы достичь той части острова, которая была известна ему по прошлому году как самая удобная для высадки (Caes. B.G., V, 8). Ш.Фрер полагает, что римский флот причалил к берегу несколько севернее Дувра, между Дил Каслом и Сендвичем.⁸ Побережье было пустынно, так как британцы, увидев на горизонте огромное количество римских кораблей, удалились с берега на высоты, расположенные внутри страны. Римляне высадились на берег в полдень и построили лагерь.

Когда Цезарь узнал от пленных, где расположена позиция, занятая британцами, он решился на смелый шаг, выступив против них той же ночью и решившись оставить корабли на якоре (поскольку берег был открытым и полого поднимающимся), а не вытаскивать их на сушу, тратя на это драгоценное время. Лагерь и флот были оставлены под прикрытием десяти когорт и трехсот всадников под командованием К.Атрия.

Ранним утром войско Цезаря подошло к реке Большой Стур и с легкостью отогнало британцев от переправы. Основной брод через реку лежал на будущем месте расположения Кентербри.⁹ Никаких поселений здесь еще не существовало, но на холмах над рекой, в Бигбери, в полутора милях от брода, находилось высотное укрепление, расположенное в лесах и хорошо защищенное, как говорит Цезарь, «природой и человеческим искусством» (Caes. B.G., V, 9), в котором укрылись британцы, потерпевшие поражение на переправе через Стур.

Подходы к земляным укреплениям были блокированы поваленными деревьями, и британцы небольшими группами выскакивали из-за опушки леса и, осыпая римских солдат градом стрел, не давали им проникнуть внутрь форта. Однако, по словам Цезаря, солдаты Седьмого легиона, выстроившись в боевой порядок по принципу «черепahi» (то есть поднятыми над головой щитами образовав защитный навес) и подведя насыпь¹⁰ (agger) к укреплению британцев, заняли его и выбили неприятеля из леса (Caes. B.G., V, 9).

Захватом укрепления британцев в Бигбери закончилось сражение этого дня. Цезарь отложил преследование врага, так как нужно было еще укрепить лагерь. По мнению Ш.Фрера, лагерь Цезаря должен был располагаться в местечке Харблдаун, занимая приблизительно 150 акров земли.¹¹ На следующий день Цезарь разделил свое войско на три колонны, смешав пехоту и конницу, и начал преследовать врага.

В это время прибыли всадники, посланные Кв.Атрием, с известием, что шторм, разыгравшийся предыдущей ночью, нанес большой ущерб римскому флоту: почти все корабли были выброшены на берег. Отозвав войско, Цезарь приказал отступать к побережью, а сам отправился вперед, чтобы оценить ущерб. Прибыв к флоту, он увидел, что сорок кораблей уничтожено, но остальные еще можно починить. Это была длительная задержка: пришлось вытаскивать все корабли на берег и строить общее укрепление, которое бы защитило и флот, и лагерь, тратя на это драгоценное время. Работая днем и ночью, солдаты все сделали за десять дней. Цезарь написал также Лабиену, чтобы он прислал мастеров с континента и чтобы, кроме того, в Галлии было построено как можно больше кораблей, которые надлежало переправить в Британию.

Десятидневная задержка Цезаря очень помогла британцам. Оставив свои разногласия (между соседними британскими племенами шли бесконечные войны), они избрали Кассивеллауна верховным главнокомандующим всеми британскими войсками. Кассивеллаун, которого Ш.Фрер называет «первой британской исторической личностью»,¹² правил племенами, жившими за Темзой. Вероятно, это были катувеллауны, которые позднее широко распространились по территории к северу от Темзы, включая земли Хертфордшира, Букингемшира, Кембриджшира. Во времена Цезаря район расселения катувеллаунов не был ни таким обширным, ни таким четко очерченным, но Кассивеллаун несомненно был у них выдающимся военным вождем. Большая союзная армия, собранная под его командованием, ожидала Цезаря возле переправы через Стур.

Явившийся туда Цезарь успел построить свое войско в правильный боевой порядок. Несмотря на то, что всадники и колесницы британцев атаковали римскую конницу еще на подходе и вступили с ней в яростную схватку, их атака была отбита римлянами по всем направлениям, британцы отступили и укрылись на лесистых высотах поблизости от реки. Далее Цезарь рассказывает, что, когда ничего не подозревавшие римляне были заняты постройкой и укреплением лагеря, неприятели неожиданно выскочили из леса, напали на караульные посты, стоявшие перед лагерем, и завязали ожесточенное сражение (Caes. B.G., V, 15). Цезарь послал на помощь часовым две когорты, построившиеся на некотором расстоянии одна от другой. Британцы же, бросившись в этой интервал, прорвались сквозь строй когорт и отступили без потерь.

Рассказывая об этом сражении, Цезарь останавливается на особенностях военной тактики британцев и дает развернутое описание тех опасностей, которые она представляла для римлян. Таким образом, Комментарии Цезаря являются важным источником по военному делу британских кельтов. Впервые Цезарь обратился к этим сюжетам еще в 33

главе IV книги Записок о галльской войне в рассказе о первой экспедиции в Британию.

Тогда Цезарь впервые увидел, как кельты сражаются на боевых колесницах. Такого опыта в Галлии у Цезаря не было, и сначала его солдатам трудно было приспособиться к сражениям такого типа. Другие античные авторы свидетельствуют о наличии боевых колесниц у кельтов, живших в разных регионах античного мира. В эпоху гораздо более раннюю, чем время Цезаря, кельты (галлы), жившие в Северной Италии, имели не только всадников, но и воинов, сражавшихся с колесниц. В битве при Сентине в 295 г. до н.э., согласно Титу Ливию, участвовала тысяча таких кельтских колесниц (Liv., X, 28, 30). В битве при Теламоне в 225 г. сражались двадцать тысяч кельтских воинов или верхом на лошади, или на боевых колесницах (Polib., II, 23). В битве при Кластидии в 222 г. галльский царь Вирдомар, взойдя на колесницу, метал копья в своих противников (Ptolemaeus, IV, 10, 39–44). В Галлии в 121 г. царь арвернов Битуит сражался на серебряной колеснице при слиянии Изера и Роны (Flor., III, 2). Диодор Сицилийский, копируя более раннего автора, без сомнения, Посидония, говорит, что во время боя галлы пользовались боевыми колесницами, запряженными парой лошадей. На каждой колеснице находились возница и воин. Воины руководили атаками колесниц, направленными против всадников. Они метали копья, затем, спустившись с колесницы, сражались с мечом в руке (Diod., V, 29).

Когда Цезарь прибыл в Галлию, в галльских армиях, кажется, уже не было колесниц. Однако они сохранялись в Британии. Страбон (IV, 5, 2), Тацит (Agric., 12), Дион Кассий (LXXVI, 12) говорят о боевых колесницах британцев, в особенности, жителей Каледонии. Британские колесницы были способны продвигаться по любой местности; их тащили маленькие лошадки, быстрые и выносливые. Спорным является вопрос, были ли кельтские колесницы снабжены косами. Лукиан (Stratagem, II, 3, 18), рассказывая о битве, выигранной Антиохом Сотером у галатов в 272 г. до н.э., сообщает, что по фронту галатской армии стояли, готовые броситься вперед, восемьдесят колесниц, вооруженных косами, и вдвое больше обычных колесниц. Однако Ж.Доттен отмечает, что источником Лукиана, кажется, была эпическая поэма Симонида из Магнезии, и все детали, которые он приводит о числе и вооружении галлов, не имеют никакой исторической ценности.¹³ Таково же мнение Ш.Фрера, который считает сообщения некоторых классических авторов о том, что боевые колесницы кельтов имели оси, оканчивающиеся косами, ошибочными (поскольку ничего подобного не засвидетельствовано ни Цезарем, ни археологическим материалом), полагая, что они путали кельтские колесницы с персидскими.¹⁴

Цезарь, впервые встретивший боевые колесницы британцев во время своей первой экспедиции, в 33 главе IV книги своих Комментариев подробно описал, видимо, поразившую его тактику сражения кельтов с применением боевых колесниц. Она состояла в том, что кельты быстро гнали колесницы по всему полю битвы во всех направлениях, бросая дротики и порождая смятение и панику в рядах врага стремительным движением лошадей и стуком колес. Если колесницам удавалось пробраться в промежутки между эскадронами неприятельской конницы, то находившиеся на них кельтские воины соскакивали и сражались пешими, а возницы отводили колесницы и ставили их таким образом, чтобы быть под рукой и придти на помощь при необходимости срочного отступления. Таким образом, воины, сражавшиеся с колесниц, соединяли мобильность и скорость конницы с устойчивостью пехоты. «И благодаря ежедневному опыту и упражнению, — писал Цезарь, — британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгивать в колесницу» (Caes. B.G., IV, 33). Такая тактика сражения произвела на Цезаря очень большое впечатление, в чем он признается в начале следующей главы: «Все эти маневры и необычайный способ сражения привели наших в большое замешательство» (Caes. B.G., IV, 34).

Второй раз Цезарь был поражен военной тактикой британцев, использовавших конницу и боевые колесницы, во время второй экспедиции, когда, как указывалось выше,

британцы напали на караульные посты римлян, строивших и укреплявших лагерь. По поводу смелого прорыва британцев через строй римских когорт Цезарь замечает: «Так как невиданные боевые приемы врага привели наших в полное замешательство, то неприятели с чрезвычайной отвагой прорвались сквозь них и отступили без потерь» (Caes. B.G., V, 15).

Далее Цезарь подробно анализирует «боевые приемы врага» и те опасности, которые они таили для римских солдат. Британцы сражались не в тесном строю, а небольшими группами, которые были отделены друг от друга широкими интервалами. Когда какую-либо группу начинали сильно теснить легионеры, составлявшие ее солдаты, убегали, а римляне, обремененные своим тяжелым вооружением, не могли их эффективно преследовать. К тому же, легионеры и их командиры, приученные сражаться, двигаясь компактной массой, не решались нарушить строй и не могли приспособиться к неожиданной для них тактике противника. Римская конница могла догнать колесницы британцев. Однако римские всадники, слишком удалившись от поддерживавших их легионов, оказывались беспомощными перед британскими воинами, которые соскакивали с колесниц и начинали сражаться в пешем строю при поддержке своей конницы. Правильная тактика сражения с боевыми колесницами британцев, как вскоре стало ясно Цезарю, состояла в том, чтобы конница и пехота держались вместе и действовали в согласии друг с другом. После этого британские колесницы особых беспокойств больше римлянам не доставляли.

Новая тактика римлян принесла свои плоды уже на следующий день после сражения британцев с передовыми постами римлян у переправы через Стур. Как и в прошлом году, британцы попытались атаковать римский отряд, посланный на заготовку фуража. По словам Цезаря, «они вдруг со всех сторон налетели на фуражиров и не побоялись даже приблизиться к легионам, стоявшим в боевом порядке» (Caes. B.G., V, 17). Однако на этот раз в римской колонне, которой командовал Г.Требоний, были не только три легиона, но и вся конница. Римляне отбросили неприятелей и преследовали их до тех пор, пока всадники, опираясь на поддержку следовавших за ними легионов, не разгромили их окончательно, не дав «им возможности собраться, остановиться и соскочить с колесниц». Цезарь отмечает, что после этого случая британцы больше уже ни разу не вводили в сражение с ними слишком больших сил; к тому же, отряды союзников, со всех сторон собравшиеся к Кассивеллану, рассеялись, и он остался один.

В связи с этим Цезарь направился во владения Кассивеллана, который остался его единственным противником, и подошел к Темзе, являвшейся южной границей царства этого британского вождя. По словам Цезаря, реку можно было перейти вброд только в одном месте, и это было сделано с большими трудностями. Британцы укрепили противоположный берег реки острыми кольями, и такие же колья были вбиты под водой, защищая переправу. Однако римские солдаты форсировали переход стремительно и быстро, идя по шею в воде. Британцы, стоявшие в боевом порядке на противоположном берегу, не выдержали совместной атаки пехоты и конницы римлян и отступили (Caes. B.G., V, 18).

Исследователей занимает вопрос, где был расположен брод, по которому Цезарь переправился через Темзу. По мнению Т.Р.Холмса, он пересек Темзу в Брентфорде или недалеко от него.¹⁵ Ш.Фрер же замечает, что стремление антикваров поместить знаменитый брод в такие места, как Брентфорд или Уолтон, связаны с тем, что там были найдены остатки кольев. Однако эти места расположены слишком далеко вверх по течению, чтобы видеть в них возможные места переправы через Темзу армии Цезаря. Наличие же кольев, может быть, легче объяснить тем, что здесь могли находиться свайные жилища или запруды для ловли рыбы. Сам Ш.Фрер склоняется к мысли, что Цезарь нашел брод и через Темзу в районе Лондона. Он замечает, что в 43 г. н.э. армия Клавдия переправилась через Темзу именно здесь, и Ш.Фреру кажется странным, чтобы Цезарь пропустил эту удобную переправу. Поскольку сам Цезарь говорит, что после того, как он пересек реку, он оказался на территории триновантов (Эссекс), то скорее всего переправа находилась в районе Лондона.¹⁶

Далее Цезарь описывает тактику партизанской войны, которая была разумно выбрана Кассивеллавном для борьбы с армией римлян. Распустив пехоту, он оставил себе только около четырех тысяч боевых колесниц. В области к северу от Темзы, густо покрытой лесами, где находились главные владения Кассивеллавна, он и его люди прекрасно знали все дороги и потайные тропы. Держась в стороне от дороги, в трудно доступных лесистых местах, Кассивеллавн с его отрядом боевых колесниц следовал параллельно путям продвижения римлян, затем обгонял их, сгонял скот и население в леса, оставляя пустынную местность, по которой приходилось двигаться римской армии. Когда римская конница отваживалась слишком углубляться в лес, Кассивеллавн выпускал боевые колесницы, которые, двигаясь тайными дорогами и тропинками, настигали конницу римлян и ввязывались с ней в опасные сражения. Цезарь, уже имевший опыт военных столкновений с боевыми колесницами бритtanцев, держал конницу в непосредственной связи с колонной легионов. В связи с этим, поскольку пехота не отдалялась от конницы, Цезарь не мог использовать в большом масштабе встречную тактику нанесения ущерба врагу опустошением окружающей местности.

Однако, по образному выражению Ш.Фрера, у Цезаря «была еще одна карта в рукаве». ¹⁷ Молодой вождь триновантов Мандубракий, когда его отец был убит Кассивеллавном, ускользнул к Цезарю в Галлию. И теперь тринованты отправили послов к Цезарю, предлагая перейти на его сторону и прося, чтобы он позволил молодому принцу наследовать царскую власть его отца. Они послали Цезарю заложников и запасы зерна, он принял триновантов под свое покровительство: и теперь римские войска более не опустошали их территории, и Кассивеллавн опасался на них нападать. Тогда примеру триновантов последовали и другие британские племена — ценимагны, сегонтиаки, анкалиты, биброки и кассы.

От своих новых союзников Цезарь узнал, что недалеко находится оппидум Кассивеллавна, «защищенный лесами и болотами, и что в нем собрано довольно большое количество людей и скота» (Caes. B.G., V, 21). Далее Цезарь поясняет, что представляет собой британский оппидум: «Городом (oppidum) бритtanцы называют всякое место в труднопроходимом лесу, защищенное валом и рвом; туда они обыкновенно спасаются от неприятельских набегов» (Caes. B.G., V, 21 — пер. М.М.Покровского). ¹⁸

По мнению Т.Р.Холмса, оппидум Кассивеллавна находился по соседству с Сент Эльбенс, на том месте, где позднее расположился Веруламий — столица сына и преемника Кассивеллавна. ¹⁹ Ш.Фрер идентифицирует его с местечком Уитемпстед. ²⁰ В том и в другом случае речь идет о местностях, расположенных на западном берегу реки Ли, которая образовывала границу царства триновантов.

Цезарь со своими легионами подошел к крепости, которая оказалась отлично защищена «природой и человеческим искусством» (Caes. B.G., V, 21). Рассказ Цезаря дает представление о том, что на последнем этапе этой военной кампании в полной мере проявились стратегическое искусство Кассивеллавна и его умение руководить военными действиями. Когда Цезарь был уже у ворот крепости, Кассивеллавн послал приказ четырем царям, правившим в Кенте, атаковать римский лагерь на морском побережье, защищавший стоянку римского флота. Этот приказ Кассивеллавна, хотя положение его было чрезвычайно ненадежно и будущее сулило самые мрачные перспективы, был исполнен. Если бы атака удалась, то в очень опасном положении оказался бы уже Цезарь. Однако гарнизон римского лагеря легко отбил атаку бритtanцев, и, узнав об этом, Кассивеллавн сдался Цезарю.

Проведя переговоры с Кассивеллавном при посредничестве атребата Коммия, которого Цезарь считал чрезвычайно преданным человеком, он потребовал от бритtanцев выдачи заложников и определил размеры дани, которую они должны были ежегодно выплачивать Риму, а также запретил наносить какой-либо ущерб триновантам и Мандубракию (Caes. B.G., V, 22).

Когда заложники были выданы без промедления, Цезарь с войском и пленниками отправился обратно на побережье. О переправе римского войска в Галлию известно из

текста Цезаря и переписки Цицерона. На побережье все корабли, которые было возможно починить, были уже готовы к плаванию. Однако, так как у Цезаря было много пленных и несколько кораблей потонуло во время бури, он решил перевезти войска на материк в два приема. С первым конвоем отправился курьер, который вез письма, адресованные Цицерону от Цезаря и младшего брата Цицерона Квинта. По этому поводу Цицерон писал своему другу Аттику: «26 сентября я получил письма от моего брата Квинта и Цезаря, отправленные ими 29 августа с британского побережья, лежащего напротив Галлии. Они, завершив дела в Британии, получив заложников, наложив дань на британские племена, хотя и не взяв никакой добычи, собрались переправить армию обратно из Британии в Галлию» (Cic., Att., IV, 18, 25).

Цезарь ожидал, что, когда транспортные суда, высадив первую партию отправленных на них солдат на галльском берегу, вернутся, то их будут сопровождать еще шестьдесят кораблей, построенных Лабиеном. Однако к месту назначения вернулось только небольшое число тех и других кораблей, остальные были отброшены назад бурей. День за днем Цезарь ожидал их со все возрастающей тревогой, потому что вскоре могли налететь сильные штормовые ветры, обычно сопутствующие осеннему равноденствию. В конце концов он решил не ждать больше и, теснее посадив солдат на немногие имеющиеся в наличии корабли, благодаря тому, что море еще было совершенно спокойным, снявшись с якоря вечером («в начале второй стражи»), на рассвете благополучно достиг галльского берега со всей своей эскадрой (Caes. B.G., V, 23).

Экспедиции Цезаря в Британию не имели своим результатом завоевание острова, которое оставалось делом будущего. Это было понятно и современникам Цезаря, и людям последующих поколений. Лучше всего результат британских походов Цезаря резюмировал Тацит, который писал: «Первым римлянином, вступившим с войском на землю Британии, был божественный Юлий, и хотя, выиграв сражение, он устрасил ее обитателей и захватил побережье, все же в нем следует видеть не столько завоевателя этой страны, сколько того, кто указал на нее потомкам» (Tac. Agric., 13).

Многие современные исследователи, следуя за античными авторами — за Страбонам, писавшим, что Цезарь в Британии не совершил ничего великого и даже не проник далеко в глубь страны (Strabo, IV, V, 3), за Светонием, называвшим экспедицию в Британию одной из трех неудач жизни Цезаря (Suet., Caes., 25), и другими, — считают, что британские экспедиции Цезаря были unsuccessful.²¹ М.С.Садовская полагает, что нет оснований говорить о политическом успехе экспедиций Цезаря, поскольку добыча, привезенная Цезарем из Британии, была невелика и мало пополнила его казну, так как одна только транспортировка войск, ремонт и строительство кораблей стоили очень дорого.²² Однако не известно, насколько справедливо сводить политические результаты британских походов Цезаря к таким чисто утилитарным моментам. Во всяком случае, такой подход к проблеме чрезвычайно суживает ее.

Между тем походы Цезаря в Британию были связаны с важнейшими аспектами римской истории и античной цивилизации в целом не только экономического и социально-политического, но и философского характера.

Как справедливо было замечено многими исследователями, важнейшим фактором существования и развития римской республики и самого процесса перехода от республики к империи был военный фактор — внешняя агрессия Рима, шедшая по всем направлениям античной ойкумены.²³ Если на Востоке в результате походов Суллы и Помпея были сделаны большие территориальные приобретения, то Крайний Запад (Британские острова, отделенные от материка Ла-Маншем), еще оставались недоступными римскому оружию. Однако мысль о завоевании Британии, которая виделась современникам Цезаря сказочным островом, западным Эльдorado, носилась в воздухе. Цицерону казалось, что сведения о Британии, которые ему будет поставлять в письмах его младший брат Квинт, бывший участником походов Цезаря, позволят ему сочинить героическую поэму о прекрасном острове и о его завоевании в результате военных подвигов Цезаря и его войска.

«Ты только дай мне Британию, — писал он брату Квинту, — которую я разрисую твоими красками, но своей кистью» (Cic., Q., fr., II, 13, 2). Однако реальные сведения о Британии, полученные в результате экспедиций Цезаря, чрезвычайно разочаровали Цицерона. В июне 54 г. он писал своему другу Аттику, что в Риме с тревогой ожидают исхода войны в Британии, «так как известно, что подступы к острову укреплены поражающими воображение глыбами скал. Известно также, что там нет ни крупинки серебра и никакой надежды на добычу, разве только на рабов; но ты, я думаю, не ждешь, что кто-нибудь из них окажется обученным науке или музыке» (Cic., Att., IV, 16). Так в размышлениях о еще неведомом и, может быть, чудесном острове даже у философа, эрудита и утонченного эстета Цицерона на первом месте стоит чисто меркантильный интерес.

В этом нет ничего удивительного. Реакция Цицерона вполне естественна. М.Кэри и Е.Уормингтон, специалисты по античной географии, отмечали, что мотивы античных путешественников по большей части имели материальный характер. Они не ставили перед собой другой цели, кроме стремления приобрести богатство. К этой цели их влекли равным образом правдоподобные сообщения о больших состояниях, приобретенных путешественниками в чужих странах, и рассказы о сказочных Эльдорадо, ожидающих своих первооткрывателей далеко от известных дорог.²⁴ И тем более интересна была в этом плане Британия, лежавшая буквально «под боком» и отделенная от европейского материка только узким проливом.

Цезарь, первый римлянин, ступивший на землю острова, явился первооткрывателем Британии, и в качестве такового он прекрасно понимал необходимость познакомиться самому и познакомить читателей «Записок о Галльской войне» — своих соотечественников с новой, еще неизвестной страной. Перед началом первой экспедиции в Британию, в 55 г. до н.э., Цезарь писал, что «он ... считал полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о его местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах» (Caes. B.G., IV, 20).

Так же, как и в Галлии, во время пребывания в Британии, несмотря на напряженно складывавшуюся ситуацию и проводимые им военные операции, Цезарь собирал материалы о географическом положении, природе, населении острова, на основании использования которых написан этно-географический очерк о Британии, помещенный в V книге его сочинения. Как и в случае с галльской этнографией Цезаря, пытаются определить его источники для этого раздела, посвященного Британии, тем более, что он сам дает указание, что такие источники (помимо его личных наблюдений) у него были. Цезарь рассказывает, что на некоторых небольших островках, расположенных рядом с Британией, наблюдается удивительное, с его точки зрения, явление: «многие писатели сообщают, что там во время зимнего солнцеворота тридцать суток продолжается ночь» (Caes. B.G., V, 13).

Считается, что галльский этнографический материал Цезаря, помимо его личных наблюдений, имеет более ранние греческие источники — в особенности, это текст Посидония, известного философа-стоика, а также этнографа и историка II—I вв. до н.э., на том основании, что тексты о человеческих жертвоприношениях у кельтов Цезаря, а также Диодора и Страбона (о которых достоверно известно, что их источником был Посидоний) практически идентичны. Все три автора относятся к одной группе источников, которую называют посидониевской традицией.²⁵

В этой традиции самым реалистическим, исполненным метких наблюдений текстом по этнографии британских кельтов, является рассказ Диодора о месторождении олова в Корнуолле и о работе шахтеров, его добывающих. Диодор пишет следующее: «На британском мысе, который называется Белерион, местные жители... добывают олово, искусно обрабатывая содержащую его руду. Это месторождение скалисто, но содержит земляные участки, в которых прорывают галереи. В них плавят руду и получают чистое олово. Измельчив олово и придав ему форму астрагалов (игральных косточек), перевозят на соседний остров, названный Иктис. Они ждут, чтобы прилив, удаляясь, высушил пролив, и транспортируют олово, доверху нагрузив повозки» (Diod., V, 22, 2).

Уже давно было замечено, что это свидетельство человека, который побывал в Корнуолле и собственными глазами видел месторождение и добычу олова, о которых писал.²⁶ Поскольку галльская этнография Диодора восходит к Посидонию, то была сделана попытка объявить его источником и приведенного выше текста и вообще всех этно-географических очерков о кельтской Британии, принадлежавших авторам посидониевской традиции, в том числе и Цезарю.²⁷ Однако путешествия Посидония в Британию являются плодом фантазии современных исследователей, поскольку нет ни одного свидетельства о том, что он когда-нибудь пересекал Ла-Манш.

Гораздо более вероятным источником текста Диодора и других этно-географических описаний кельтской Британии, сделанных авторами так называемой посидониевской группы, в том числе и Цезарем, является сочинение великого массалиотского путешественника и исследователя IV в. до н.э. Пифея, совершившего один из величайших периплов древности. Как известно, выйдя из Массалии (совр. Марсель), пройдя через Геракловы столбы (пр. Гибралтар), затем двигаясь вдоль европейских побережий, он вышел в Северное море, дошел до Балтики, а затем вернулся в Гадес (совр. Кадикс). В ходе своего беспримерного плавания Пифей обследовал Британские острова. Он действительно побывал на мысе Белерион (совр. Лендс-Энд), затем, начиная с него, он сделал полный круг вдоль британского побережья, возвратившись в свою отправную точку.

К тому же, явление длинных зимних ночей, характерное для северных стран, о котором сообщает Цезарь, было в круге интересов Пифея. Г. Брош, пятнадцать лет посвятивший изучению путешествия Пифея, писал, что «он всю свою жизнь был одержим космической тайной Севера».²⁸ Еще до начала путешествия Пифей определил положение северного полюса. Затем, совершая свой перипл, он от северного берега Шотландии прошел до острова Туле, который, по представлениям древних, являлся самым северным пределом обитаемого мира.

В своем этно-географическом очерке о Британии Цезарь пишет о населении острова (о его происхождении, занятиях и обычаях), о климате, флоре и фауне, о географическом расположении острова, о его размерах. По его свидетельству, племена, населявшие внутреннюю часть Британии, были местного происхождения, а жители приморских областей — выходцами из Белгики (северо-восточного района Галлии). Цезарь отмечает, что они носят названия тех племен, от которых происходят. Более цивилизованными Цезарю казались жители приморских районов (особенно Кантия — совр. Кент); по его мнению, их образ жизни немногим отличался от образа жизни галлов. «Население здесь, — писал Цезарь, — чрезвычайно густо, дворы находятся очень близко друг от друга и большей частью похожи на галльские; скота очень много» (Caes. B.G., V, 12). Он отмечал, что климат в Британии мягче, чем в Галлии, так как холода не так сильны, а флора и фауна напоминают галльские.

При чтении свидетельства Цезаря создается впечатление, что оно написано не только по греческим источникам, но в нем большую роль играют личные впечатления Цезаря, внимательного и острого наблюдателя. Так, по поводу растительного мира Британии Цезарь замечает: «Лес растет всякий, как в Галлии, кроме бука и ели» (Caes. B.G., V, 12). Кроме того, говоря о явлении длинных зимних ночей, на островах, расположенных рядом с Британией, которое ему известно по письменным источникам, Цезарь добавляет: «Но мы в своих расспросах таких сведений не получали и только на основании точных измерений посредством водяных часов видели, что ночь там короче, чем на материке» (Caes. B.G., V, 13).

Может быть, самой примечательной частью цезаревского описания Британии являются приведенные им географические характеристики острова. Цезарь сообщает, что остров имеет форму треугольника, южная сторона которого, расположенная напротив Галлии, насчитывает в длину около пятисот миль. Западная сторона, обращенная к Испании, — семьсот миль в длину. Цезарь отмечает, что в этом же направлении расположена Иберния (Ирландия), которая вдвое меньше Британии. Наконец третья сторона обращена на север и простирается на восемьсот миль в длину. Самым удивительным в

этом сообщении Цезаря является приблизительная точность в подсчетах размеров острова. Цезарь признается, что эти сведения были извлечены им из письменных источников. Однако, каковы бы ни были эти источники, они не восходили ни прямо, ни косвенно к сочинениям Пифея, который более чем в два раза преувеличил размеры Британии (Diod., V, 21, 3).²⁹ В то же время, следуя за Пифеем, Цезарь правильно определил местоположение Ирландии.³⁰

Таким образом, все сказанное выше об этно-географическом описании Британии, помещенном в V книге «Записок о Галльской войне», дает представление о том, что Цезарь тщательно собирал сведения о новой, еще неизвестной стране, используя и свои собственные наблюдения, и информацию, полученную из письменных источников (из сочинения Пифея и др.), чтобы самому познакомиться с Британией и познакомить с ней своих соотечественников. Мотивы этого были прежде всего, конечно, военные (вновь открытый остров нужно было завоевать) и политические (завоевав, превратить его в римскую провинцию).

Кроме этих конкретных причин, интерес к Британии Цезаря, хорошо знавшего греческую и римскую литературу, был связан с развивавшемся в античном мире со времен кризиса греческого полиса социально-философским теоретизированием, целью которого было найти выход из кризисного состояния, противопоставив характерным для него упадку и разложению другие общества со счастливой и прекрасной жизнью. В основе этого теоретизирования лежало представление о блаженных первобытных временах, о царстве Кроноса, которое отождествлялось со счастливым «золотым веком».

Греческие социальные утопии, рисовавшие идеальные картины «золотого века», смыкались с идеями стоической философии и развивались под сильным влиянием морализирующей тенденции стоицизма, «желавшей, — по выражению М.И.Ростовцева, — противопоставить развращенному культурному человечеству тип идеальных людей, живших согласно законам природы».³¹

В III в. до н.э. в связи с процессами религиозного синкретизма и «эллинизацией» римской религии происходит отождествление греческого Кроноса с римским Сатурном и царства при Кроносе с Сатурновым царством. В Риме, как и в Греции, в эпоху кризиса наблюдаются сходные тенденции, когда общественные идеалы переносятся на более ранние, не запятнанные пороками догосударственные эпохи, связанные с мифом о «Сатурновом царстве».

Авторы античных социальных утопий делали попытки найти «золотой век» Кроноса-Сатурна в современном им мире: или у варварских народов, у так называемых «благородных дикарей», еще не достигших уровня цивилизации, характерного для греков и римлян, или где-то на крайних оконечностях ойкумены. Для этого второго направления поисков «золотого века», лежащего в области античной географии, характерны так называемые островные утопии.

В ранней античной мифологической традиции «острова Блаженных» были тесно связаны с преданиями о местопребывании героев, о расположенных на крайнем Западе берегах, куда переселялись души умерших. Постепенно, по мере того, как греки осваивали Средиземноморье, идеальные острова отодвигались все дальше, до крайних пределов ойкумены.

Так, в античной традиции появилась целая группа свидетельств об «островах на Севере мира», в которых переплетались мотивы античных мифов, античных социальных утопий, кельтских легенд, сакральной и реальной географии. «Острова на Севере мира» — условное обозначение, под которым в реальной географии имелись в виду северные побережья Галлии, Британские острова и северное островное окружение Британии.³² В то же время, куда-то в эти места устремлялись, по кельтским верованиям, души умерших (Claud. In Ruff., I, 123–128).

Все «острова на Севере мира», принадлежащие как сакральной, так и реальной географии, носят священный характер. Фест Авием в *Ora Maritima* называет Ирландию священным островом, посвященным Сатурну (Avien. *Ora Maritima*, 108–112). Плутарх гово-

рит о сакральности всего островного окружения Британии: «Среди островов, которые окружают Британию, многие пустыни, рассеяны там и сям, и некоторые называются по именам демонов и героев» (Plut., *De defectu oraculorum*, 18). Сакральные «острова на Севере мира», принадлежащие магической географии, являются иницирующими центрами: живущие там мудрецы-философы передают свои знания посвященным. Самый же большой из этих сакральных «островов на Севере мира» — это Британия.

То, что Цезарь интересовался Британией в таком плане, известно из его очерка о галльской этнографии, помещенного в VI книге его сочинения. Там он называет Британию сакральным инициатическим центром друидического знания, высшего знания древних кельтов. По словам Цезаря, считается, что друидизм зародился в Британии и оттуда был перенесен в Галлию, и те, кто хотят тщательнее изучить его принципы, отправляются в Британию (Caes. B.G., VI, 12).

Главный же результат походов Цезаря заключался в том, что им был сделан первый шаг на пути романизации Британии. Р.Холмс по этому поводу заметил, что Цезарь «направил ход британской истории по новому руслу».³³ М.С.Садовская отрицательно относится к этому мнению Р.Холмса, получившему широкое распространение в английской литературе, считая, что римское влияние на Британию в течение ста лет после смерти Цезаря было незначительным.³⁴

Однако романизация, как известно, представляла собой сложный процесс, для осуществления которого использовались различные «инструменты». Первым из них был военный — завоевание страны. Затем шло налаживание сильных экономических связей с Римом, подразумевавших включение провинциальной экономики в общеримскую, распространение римского гражданства, насаждение римских политических институтов, выведение в провинцию римских военных колоний.³⁵ Последним из этих «инструментов» была культурная романизация: распространение латинского языка, строительство городов в соответствии с нормами античного урбанизма, устройство загородных вилл, украшенных великолепными стенными росписями, роскошными мозаиками, скульптурой, выполненной по канонам античной пластики, и т.д.

Как мы видели, Цезарем был подготовлен и прекрасно налажен первый из этих «инструментов» — военный. Он основательно познакомился сам и познакомил римлян с природой и географией острова, нашел удобные гавани для высадки флота, выяснил особенности тактики ведения боя, применявшейся британцами, и предложил выработанные им военные приемы, с помощью которых им можно было противостоять.

В то же время, как отмечают исследователи, культурная романизация представляла некий синтез римской и местной культур. И поскольку у кельтов существовала оригинальная и сильная культура, то в данном случае местный элемент был особенно значим.³⁶ Цезарь сделал первый шаг и в этом направлении, познакомив своих читателей с нравами и обычаями кельтов Британии, — т.е. он подготовил почву для будущего общения римлян с местной этнической средой. Таким образом, Цезарем были сделаны первые важные шаги по освоению Британии, будущим поколениям предстояло сделать остальные.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Holmes T.R. *Ancient Britain and the Invasions of Julius Caesar*. Oxford, 1907; *Frere Sh. Britannia*. London, 1967; *Wacher J. Roman Britain*. London, 1980.
2. Holmes T.R. Op. cit. P. 300–372; 517–735.
3. *Frere Sh. Britannia*. P. 28.
4. *Frere Sh.* Op. cit.; *Holmes T.R.* Op. cit. P. 303.
5. *Ibid.* P. 28.
6. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 634–635.
7. *Frere Sh. Britannia*. P. 31.
8. *Ibid.* P. 33.

9. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 337.
10. По мнению Т.Р.Холмса, римляне соорудили эту насыпь, засыпав землей и вязанками хвороста ров, шедший вокруг укрепления британцев. Эту работу могли проделать люди, шедшие между рядами легионеров, образовавших «черепаху», под прикрытием их поднятых щитов (*Holmes T.R.* Op. cit.).
11. *Frere Sh. Britannia.* P. 34.
12. *Ibid.* P. 35.
13. *Dottin G.* Manuel pour servir à l'étude de l'Antiquité Celtique. Paris, 1908. P. 199.
14. *Frere Sh.* Op. cit. P. 35.
15. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 344.
16. *Frere Sh.* Op. cit. P. 37.
17. *Ibid.*
18. Хотя М.М.Покровский переводит термин Цезаря oppidum словом «город», из текста Цезаря ясно, что кельтские oppida в Британии поселениями городского типа (подобными тем, которые находились в Ронском коридоре в Галлии) не являлись; они не использовались как постоянные места жительства, служа временными убежищами (refugium) в моменты внешней опасности. Это же доказывает археологический материал, происходящий с британских островов (*Широкова Н.С.* Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989. С. 146.)
19. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 347.
20. *Frere Sh.* Op. cit. P. 37.
21. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 355.
22. *Садовская М.С.* Походы Цезаря в Британию // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 95.
23. *Чеканова Н.В.* Римская диктатура последнего века республики. СПб, 2005. С. 21.
24. *Cary M., Warmington E.-H.* Les explorateurs de l'antiquité. Paris, 1932. P. 10.
25. *Широкова Н.С.* Древние кельты... С. 11–12.
26. *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. I. Berlin, 1890. P. 471–472.
27. *Rhys J.* Celtic Britain. London, 1904. P. 45–46.
28. *Broche G.* Pythéas le Massaliote. Paris, 1935. P. 147.
29. *Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000. С. 28.
30. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 352.
31. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. М., 1925. С. 90.
32. *Le Roux F., Guyonvarch Ch.* Les Druides. Rennes, 1986. P. 305–315.
33. *Holmes T.R.* Op. cit. P. 356.
34. *Садовская М.С.* Ук. соч. С. 98.
35. *Циркин Ю.Б.* Древняя Испания. М., 2000. С. 168–169.
36. *Шкунаев С. В.* Культура Галлии и романизация // Культура древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 258; *Frere Sh. Britannia.* P. 1.

N.S. Shirokova

THE CAESAR'S EXPEDITIONS IN BRITAIN

The article deals with Caesar's military expeditions in Britain of 55 and 54 B.C. Some classical authors (Strabo, Suetonius and others) thought Caesar's invasions of Britain to be unsuccessful because the island was not conquered by him. Many modern researchers have the same opinion. Meanwhile in the course of these expeditions Caesar accomplished a great spade-work for the conquest of Britain in the future. Caesar was the first Roman who stepped on the land of Britain, therefore he thoroughly studied nature and geography of the island, discovered convenient harbours for landing of the fleet, founded out peculiarities of Britons' military tactics, invented his own military methods in order to resist the enemy.

Besides Caesar's acquaintance with Britain had a theoretical importance. Familiar with classical social Utopias, in particular with so-called island Utopias, Caesar viewed Britain as the biggest of sacred islands in «the North of the World» and as the initiation's centre of Druids whose secret knowledge was the highest one of the Celtic world.

© 2007 г.

И. Г. Гурин

АСПЕКТЫ РОМАНИЗАЦИИ ИСПАНИИ РАННЕИМПЕРСКОГО ВРЕМЕНИ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В последние годы в отечественном антиковедении наблюдается оживление интереса к истории римской Испании. Причём постепенно происходит определенная специализация, сосредоточение на более узких проблемах. При этом особый интерес как и в мировом антиковедении вызывают различные аспекты романизации народов Пиренейского полуострова.

Наиболее значительная работа по истории древней Испании — монография Ю.Б. Циркина, в котором в основном романизации полуострова в данную эпоху посвящена целая глава¹. Данная книга — первый в отечественном антиковедении обобщающий труд по истории древней Испании. Он представляет собой крайне редкое в исторической науке удачное сочетание элементов учебного пособия и научной монографии.

Изложение начинается с общей характеристики положения в ранней римской империи и краткой информации о покорении Римом Астурии и Кантабрии и, таким образом, завершении завоевания Испании.

Отмечается, что Август в основном продолжил политику Цезаря — распространение гражданства, колонизация, распространение прав муниципия на туземные общины. Это объясняется тем, что перед ними стояли сходные задачи. Анализ территориального распространения этих прав доказывает, что целью Августа было не закрепление завоеванных территорий, а укрепление своего влияния в уже умиротворенной части Испании (с. 201–202).

Отмечается и некоторое отличие политики Августа от политики Цезаря — колонизация Августа носила исключительно ветеранский характер, в то время как Цезарь переселял в провинции не только ветеранов, но и пролетариев. Другое отличие — большая консервативность политики Августа, выразившаяся в уменьшении дарования прав муниципия. Цезарем были предоставлены права муниципия девятнадцати общинам, Августом за весь длительный период его правления — только девяти. Отмечается, что около 13 г. до н.э. прекратилась массовая итало-римская колонизация Испании и произошла реорганизация провинций, выразившаяся в выделении из Испании Дальней провинции Лузитании и в передаче Испании Ближней, за которой постепенно закрепляется название Тарраконская Испания, северо-запада полуострова и некоторых горнорудных районов южной Испании.

Причина изменения политики Рима на полуострове усматривается в ситуации в Италии и только в Италии. Положение в остальной империи практически не учитывается. Правда следует отметить, что это традиционный подход: рассматривать Испанию и Италию, а не Испанию и остальную империю. Поэтому следует отметить, что в некоторых разделах своего труда, в том числе и в этой главе, Ю. Б. Циркин отходит от данного подхода и история Испании представляется на более значительном историческом фоне.

Ближайшие преемники Августа в целом продолжали его политику. Утверждается,